

Чжоу-далан явно держал семью Е за дураков, подсовывая вместо земельной грамоты договор о продаже человека!

После того как Е Нин задал свой вопрос, Чжоу-далан замялся и неуверенно пробормотал:

— Это... это... я сейчас не так посмотрел, первый знак - не «поле», а «продажа». Это договор купли-продажи земли, да, договор купли-продажи земли!

Сваха, очевидно, тоже была неграмотной и вовсе не понимала, в чём дело. Лучше всего у неё получалось сглаживать неловкие моменты, и потому она звонко рассмеялась:

— Ай-яй, да Нин-гер тоже хорош, право слово. Что договор купли-продажи земли, что земельная грамота - разве не одно и то же? К чему такая придирчивость? Чжоу-далан ведь целых пять му земли тебе дарит, вот уж преданность, небо и земля в свидетели! Да все геры под небом от зависти помрут!

— Вот именно, — мать Е с силой ткнула Е Нина и, стиснув зубы, прошипела: — В такой момент ты что, с ума сошёл?

Е Нин указал на грамоту и начал читать её вслух, по одному слову, чётко и ясно. Его голос был чистым, словно журчащая родниковая вода; он звучал негромко, но так, что каждый присутствующий слышал всё предельно отчётливо.

— «Житель деревни Цинтянь Е Фаннюлао (Пастух) задолжал жителю деревни Цинтянь Чжоу Даху триста гуаней и, будучи не в силах расплатиться, добровольно продаёт своего старшего сына Е Нина в счёт долга семье Чжоу, с составлением договора и проставлением печатей».

Под именем Е Фаннюлао, разумеется, подразумевался отец Е Нина. Он носил фамилию Е, но собственного имени не имел: в молодости он пас чужой скот, и люди звали его просто Пастухом.

Отец и мать Е растерянно переглянулись; на их лицах читалась пустота:

— Это... а что такое триста гуаней?

— Вот именно, — тихо, с холодком спросил Е Нин. — Осмелюсь поинтересоваться, Чжоу-далан, когда это наша семья успела задолжать вашей семье триста гуаней?

Чжоу-далан вытаращился, словно увидел привидение, переводя взгляд то на договор о продаже, то на Е Нина. Его глаза метались, как шарики в лототроне, он никак не мог поверить, что Е Нин умеет читать и произносит каждый иероглиф без малейшей ошибки.

Семья Е, разумеется, вовсе не была должна семье Чжоу ни единой монеты. Более того, деревушка Цинтянь была крохотным местом, а сама семья Е - бедным двором; за всю жизнь им и трёхсот гуаней было не израсходовать. С какой стати им занимать у семьи Чжоу такую сумму? В этом не было ни малейшей логики.

— Ну это... — Чжоу-далан запинался и мялся, застигнутый врасплох; ни ход мысли, ни реакция у него и в подмётки не годились Е Нину, он попросту не поспевал.

Е Нин уже снова заговорил, холодно и отчётливо:

— По законам Великой Лянь, самовольная купля-продажа свободных людей - преступление.

На самом деле Е Нин только что оказался в этом мире и вовсе не был знаком с законами Великой Лянь. Но во многих династиях торговля людьми действительно запрещалась, к тому же Чжоу-далан выглядел до крайности виноватым. Е Нин лишь решил напугать его, взять ситуацию под контроль, и этого оказалось достаточно.

— Пусть моя семья и не знатного рода, но мы всё же законопослушные люди: мы не из рабского сословия и не относимся к низшим кастам, — слова Е Нина звучали чётко, рассудительно и спокойно. — Чжоу-далан прибегает к обману, выдавая договор о продаже за земельную грамоту. Неужели он не боится, что дело дойдёт до ямёня? Тогда побои палками будут лишь малым наказанием; боюсь, имя семьи Чжоу прогремит на всю деревню Цинтянь и на весь уезд.

Пот сошёл по виску Чжоу Даху, скатился по жирной родинке и в удушающую летнюю жару даже отдал резким запахом. Некоторое время он и рта открыть не мог, не понимая, как этот всегда покорный, безвольный Нин-гер вдруг так переменялся и стал настолько сообразительным.

Чжоу-далан ещё не успел придумать слова для оправдания, как отец и мать Е вдруг заговорили в защиту семьи Чжоу. Мать Е натянуто улыбнулась:

— Да... да не может такого быть, верно? Чего ж тут обманывать? В доме у нас только несколько кур, что яйца несут, да пара полей - вместе с них и зерна-то немного соберёшь, ничего ценного. Семья Чжоу - большой, уважаемый двор, им это ни к чему, ни к чему.

Отец Е тоже поддакнул:

— Да, это ведь просто договор купли-продажи земли.

Е Нин едва не рассмеялся от злости, но раздражения не показал и неторопливо произнёс:

— Если отец с матерью считают, что это земельная грамота, тогда ставьте отпечатки. Только

есть один момент: подписав эту бумагу, вы признаёте долг в триста гуаней, а тут нигде не указано, какую часть долга покрывает продажа сына, весь ли он погашает или лишь проценты. Если потом семья Чжоу вновь придёт взыскивать с вас долг, это будет уже их полное право.

Отец и мать Е тут же заколебались. Триста гуаней - это ведь целых триста гуаней! Где простой семье доводилось видеть такие деньги? Сколько бы потребовалось ослиных повозок, чтобы их увезти? Одной телеги точно не хватило бы, доски бы проломились под тяжестью!

Отец Е принялся теревить штанину, мать - мять передник, оба умолкли.

Сваха стояла посреди комнаты, словно вкопанная, и неловко выдавила:

— Ну... вот ведь как вышло... Чжоу-далан, скажи уж что-нибудь. Наверняка Нин-гер просто неправильно посмотрел, перепутал. Семья Чжоу - уважаемая в Цинтянь, разве станут они обманывать какого-то гера?

Е Нин тихо усмехнулся:

— Отлично. Тогда возьмём эту грамоту и найдём кого-нибудь грамотного, пусть рассудит, кто из нас ошибся.

К этому моменту Чжоу-далан уже был на пределе. Он полагал, что обмануть Е Нина - дело лёгкое и привычное, а в итоге не только упустил почти пойманную добычу, но ещё и сам оказался изрядно покусанным.

Чжоу-далан и внимания не обратил на сваху, затараторил, словно его прихватило:

— Ай, мне... мне живот скрутило, я на сегодня пойду.

Он опустил голову, избегая встречаться с кем бы то ни было взглядом, согнулся, обхватив выпяченный живот, и рванул прочь, будто ветром его сдуло.

— Эй! Чжоу-далан! Чжоу-далан! - сваха осталась стоять на месте, ни туда ни сюда; она махала рукой, привставала на цыпочки и звала во весь голос, но Чжоу-далан будто оглох - он и ухом не повёл, мчась быстрее всех.

— Ну... вот ведь как вышло... тогда и я пойду, пойду, не провожайте, не провожайте...

Чжоу-далан и сваха умчались сломя голову. Е Нин, не подавая виду, опустил взгляд на лежавший на деревянном столе договор продажи и быстро спрятал его в рукав. Если в будущем семья Чжоу вздумает припомнить старые счёты, это станет доказательством на всякий случай.

— Эй? Эй! — мать Е пробежала несколько шагов, выскочила во двор, но Чжоу-далан и сваха уже исчезли, оставив после себя лишь взметнувшиеся куриные перья да метавшихся туда-сюда кур.

— Ох, горе мне! — мать Е принялась колотить себя по бёдрам, протяжно причитая. — За какие грехи мне это? Такая хорошая помолвка и враз всё насмарку! Семья Чжоу - что это за дом? Это же богатство, свалившееся с небес! А ты, гээр, рождённый долги взыскивать, взял да и разбил такое счастье! Если семья Чжоу больше не придёт свататься, что ты тогда делать будешь?!

Е Чжу подлил масла в огонь:

— Вот именно. То, что семья Чжоу пришла свататься, - дело огромное, вся деревня, небось, уже гудит и судачит. Если Чжоу больше не явятся, разве Нин-гер не станет брошенным фуланом? Это ж... как жалко нашего Нин-гера.

— Жалко его?! — отец Е вспыхнул от подстрекательства, дрожащей рукой ткнул в кончик носа Е Нина. — Посмотри, что ты натворил! Семья Е хоть и не знатного рода, но лицо своё мы ценим. Всю жизнь я не за еду бился, я за честь держался! И ради чего? Да ради того, чтобы выдать вас, двух геров, за хорошие семьи, да ещё и третьему брату подыскать достойного фулана! Если семья Чжоу больше не придёт, как ты потом замуж выйдешь? Кто вообще осмелится взять тебя, такой хлопотный товар?!

Е Нин в итоге всё понял: отец и мать Е вовсе не были настолько наивны, чтобы не догадываться, что та «земельная грамота» - подделка. Они прекрасно осознавали, что это договор о продаже в рабство. Их остановило не сострадание к Е Нину, а страх действительно повесить на себя долг в триста гуаней. Если бы можно было обменять одного гера, к тому же неспособного к деторождению, на родство с семьёй Чжоу, в душе они были бы более чем довольны, радовались бы от всего сердца.

Е Нин вырос в мире апокалипсиса, где человеческая холодность и жестокость были обыденностью; истории о том, как в голод доходило до поедания собственных детей, случались не только в древности. Он изначально не верил ни в родственные чувства, ни в любовь, а потому и не питал иллюзий, следовательно, и особого разочарования в отце с матерью не испытывал.

Выслушав обвинения всей семьи, Е Нин лишь спокойно и прямо сказал:

— Похоже, отец с матерью сердятся лишь потому, что не смогли продать меня подороже.

— Ты... ты... — отец Е так взбесился, что замахнулся на Е Нина тростью, заорал во всё горло: — Ах ты, отродье! Что ты сказал?! Что ты сказал?!

Отец Е больше всего на свете дорожил лицом и репутацией; когда Е Нин одной фразой сорвал покров, у того будто загорелась кожа - стыд и злость жгли сильнее, чем раскалённая каменная

мостовая в самый разгар жары. Разумеется, он пришёл в ярость.

Е Чжу кисло усмехнулся:

— Да даже если это и правда договор о продаже, ну и что с того? Всё равно, переступив порог семьи Чжоу, ты станешь их фуланом. Да другие бы рады продаться Чжоу, да только их и за людей не считают! А уж если семья Чжоу выбрала тебя...

Он окинул Е Нина оценивающим, пренебрежительным взглядом, задержавшись на его животе, и продолжил:

— Это ещё и твоя удача. А ты тут нос воротить. Скажу прямо, Нин-гер, держись ты только за это личико да за фигуру, вот и всё. Ты...

Согласно тому, как было написано в книге, Е Чжу всей душой мечтал выйти замуж за богатый дом, и семья Чжоу, разумеется, была для него первым выбором. Однако Чжоу-далан был человеком похотливым и на Е Чжу, с его самой обычной внешностью и телосложением, даже не взглянул. Затаив злобу и зависть, Е Чжу улучил момент и, когда никто не видел, столкнул прежнего хозяина этого тела в ледяную полынь.

Е Нин изначально не собирался с ним препираться. Для других фуланов неспособность к деторождению была бы позором, сравнимым с крушением неба и земли, стыдом куда более тяжёлым, чем даже запретная связь или постыдное кровосмешение. Но для прямого до мозга костей Е Нина поступок Е Чжу, напротив, оказался «услугой». Однако Е Чжу не знал меры, шаг за шагом подливал масла в огонь и всё время подстрекал остальных. Если сегодня Е Нин не сумеет прижать его на месте, тот решит, что перед ним мягкая хурма, и в будущем непременно взгромоздится ему на голову, помыкая и издеваясь без зазрения совести.

Е Нин бросил на Е Чжу холодный, пронзающий взгляд. Неизвестно почему, но язвительные слова, уже вертевшиеся у Е Чжу на языке, так и не сорвались: их словно перекрыло в горле. Он всего лишь поймал этот взгляд и вдруг почувствовал, как свело икры, и осмеливаться продолжать он уже не решился.

Е Нин твёрдо произнёс:

— Как именно я угодил в ледяную полынь и по какой причине у меня осталась эта болезнь, другим может быть и невдомёк, но тебе-то я хотел бы задать этот вопрос.

Е Чжу, чувствуя вину, отступил на несколько шагов и спрятался за спину матери Е, разумеется, не собираясь признаваться:

— Откуда мне знать? Кто знает, упал ли ты в полынь или сам натворил чего постыдного и изуродовал себе тело?

Топ-топ-топ - из внутренней комнаты выбежал маленький колобок, младший сын семьи Е. Малыш вытянул шею и спрятался за дверным косяком, робко произнеся:

— Я... я видел. Это Чжу-гер толкнул Нин-гера в полынью.

— Что?! — вскрикнула мать Е и резко обернулась к Е Чжу. Е Нин был красив и статен; будь он здоровым гером, он наверняка смог бы выйти замуж с почётом и блеском, прославив семью. Услышав это, мать Е разве могла не встревожиться?

Е Чжу повысил голос и рявкнул:

— Что ты мелешь?! Что ты вообще понимаешь, сопляк? Это не твоё дело, марш обратно!

Отец Е же поспешно захлопнул ворота:

— Чего вы орёте? Чего шум подняли? Это что, хорошее дело, что ли? Если соседи услышат, нас же на смех поднимут!

Отец Е больше всего дорожил репутацией. То, что Е Нин не способен к деторождению, уже было позором; если же ещё разнесётся слух, что это сделали собственные домочадцы, деревня будет смаковать эту историю за чаем да сплетнями целый год. Такого позора он вынести не мог. По сравнению с телесными страданиями Е Нина, достоинство и репутация отца Е, очевидно, значили куда больше.

Пока отец Е закрывал ворота, Е Нин подошёл к Е Чжу и тихо, почти шёпотом, сказал ему на ухо:

— Что случилось с моим телом, ты знаешь лучше всех. Отец с матерью дорожат лицом, а я - другое дело. Иногда лицо нужно, а иногда - нет. Когда нужно, берегут, когда не нужно - можно и отбросить. Если ты вынесешь наружу то, что навредил своей же семье, посмотрим, как ты потом по деревне ходить будешь - с поднятой головой или с опущенной.

Раньше это Е Чжу язвил и колол Е Нина, а тот был косноязычным, забитым мешком для битья, который и трёх слов в ответ выдать не мог. Теперь же он стал резким и холодным, словно весенний лёд, ещё не успевший растаять.

Е Чжу и представить не мог, что внутри Е Нина уже давно сменилось нутро. Это был человек, прошедший сквозь ад конца света, как он мог быть мягким, удобным и послушным тестом, которое можно безнаказанно мять и лепить, как вздумается?

Е Чжу, будучи схваченным за самое уязвимое место, на какое-то время лишился дара речи. Е Нин тихо спросил:

— Понял?

Е Чжу пришлось, ссутулившись, кивнуть:

— Понял.

Е Нин обвёл взглядом всех присутствующих и вынес окончательный вердикт:

— Кто хочет выходить за семью Чжоу - пусть выходит. Я туда не пойду.

Е Чжу ещё минуту назад дрожал от страха, плечи его всё ещё подрагивали, но в глазах уже вспыхнул возбуждённый огонёк. Он тихо проговорил:

— Нин-гер говорит правду? Семья Чжоу ведь в нашей Цинтянь - дом с именем, с весом. Неужели Нин-гер настолько высоко себя ставит, что даже на Чжоу не смотрит?

— Или, может... — он прищурился, — ты хочешь выйти замуж в семью Цзян?

<http://bllate.org/book/15118/1339770>